

ОТДЕЛ I. РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

АВТОКЕФАЛИЯ 1448 ГОДА И ОТНОШЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ С ПОМЕСТНЫМИ ЦЕРКВЯМИ

протоиерей Константин Александрович
Костромин

проректор по научно-богословской работе
доцент кафедры церковной истории
Санкт-Петербургской Духовной Академии,
кандидат исторических наук, кандидат богословия
k.a.kostromin@mail.ru

Для цитирования: *Костромин К. А., протоиер.* Автокефалия 1448 года и отношения Русской Церкви с Поместными Церквями // *Церковный историк.* 2023. № 4 (14). С. 15–29. DOI: 10.31802/СН.2023.14.4.001

Аннотация

УДК 2-71

Провозглашение автокефалии в 1448 году поставило под вопрос дальнейшие отношения Русской Церкви с Поместными Православными Церквями. Статья посвящена решению двух вопросов: характеру переписки с вселенскими патриархами в эпоху автокефалии и судьбе термина «вселенский» применительно к церковной юрисдикции в контексте идеологемы «Москва — Третий Рим». В статье сделан вывод, что переписка с Константинопольским патриархатом велась сначала великим князем Василием Тёмным, во второй половине 1450-х — святителем Ионой, после чего прекратилась. Причины этого можно видеть в развитии экклезиологического аспекта идеологемы «Москва — Третий Рим», в рамках которой термин «вселенский» перешел предстоятелю Русской Церкви.

Ключевые слова: автокефалия, История Русской Церкви, святитель Иона, Поместные Православные Церкви, вселенский, межцерковные отношения, Василий Тёмный, Иван III, Третий Рим.

Autocephaly of 1448 and relations between the Russian Church and Local Churches

Archpriest Konstantin A. Kostromin

Pro-Rector for Research and Theological Affairs
Associate Professor of the Department of Church History
at the Saint Petersburg Theological Academy,
PhD in Historical sciences, PhD in Theology
k.a.kostromin@mail.ru

For citation: Kostromin, Konstantin A., Archpriest. «Autocephaly of 1448 and relations between the Russian Church and Local Churches». *Church Historian*, № 4 (14), 2023, pp. 15–29 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2023.14.4.001

Abstract. The proclamation of the autocephaly in 1448 called into question the relations of the Russian Church with the Local Orthodox Churches. The article deals with two issues: the nature of correspondence with the ecumenical patriarchs in the era of autocephaly and the fate of the term «ecumenical» in relation to ecclesiastical jurisdiction in the context of the ideologem «Moscow is Third Rome». The article concludes that correspondence with the Patriarchate of Constantinople was conducted first by Grand Prince Vasily Temny, in the second half of the 1450s – by Saint Jonas, after this period the correspondence was ceased. The reasons for this can be seen in the development of the ecclesiological aspect of the «Moscow – Third Rome» ideologem, under which the term «ecumenical» was passed to the Primate of the Russian Church.

Keywords: autocephaly, History of the Russian Church, Saint Jonas, Local Orthodox Churches, ecumenical and inter-church relations, Vasily Temny, Ivan III, Third Rome.

Рождение автокефалии с исторической точки зрения всегда многоаспектно, создавая сложный узор из причин, поводов, контекста, роли личности в истории, последствий и сопутствующих обстоятельств. Такая сложность не только сопутствует самому процессу обретения автокефалии, не только сопровождает историка, берущегося за эту тему, но также является отражением той турбулентности, которая характерна для исторических эпох, порождающих автокефалию.

Традиционные представления об автокефалии Русской Церкви предполагают несколько условий для осмысления. Первое — преваширование внешних обстоятельств над внутренними. Конечно, обычно говорят о том, что Русская Церковь созрела до провозглашения автокефалии (но по умолчанию, а то и вполне гласно, предполагается, что она созрела до неё намного раньше, чуть ли не при Ярославе Мудром, когда была сделана первая попытка её получить — митр. Иларионом, а то и ещё раньше¹), однако в центре внимания оказываются внешние раздражители — Ферраро-Флорентийская уния и крах Византии. Второе — восприятие поставления русского митрополита в Москве как само собой разумеющаяся возможность. Вообще-то само по себе такое поставление как минимум странно, так как титул его (и кафедр) — Киевский и Владимирский, то есть избрание и наставление были проведены совершенно не там, где должны были. Да, Москва была местом пребывания митрополита, но сам город выдвинул до святителя Ионы только одного предстоятеля, который таковым был поставлен — святителя Алексия (митрополитов периода смуты в годы Куликовской битвы полноценными предстоятелями считать трудно). Киев дал большее количество кандидатов, не говоря уж о Константинополе. Так что ситуация избрания святителя Ионы была неординарной, как может показаться (в отечественной историографии все не-греки митрополиты России именуются обобщающим этнонимом «русский», откуда бы они ни происходили), а совершенно экстраординарной! Третье — взгляд на русскую автокефалию, царящий в историографии, ориентирован на событие из тех времён, когда она уже была признанной

1 Мильков В. В. 1) Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. М., 2009. № 2. С. 116–155; 2) Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. М., 2009. № 4. С. 112–155; Костромин К. А. Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X — первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 43.

всеми и не сохранила проблемности в исторической памяти. Однако на то и историческая турбулентность, что события, происходящие в такую эпоху, непроблемными не бывают.

Указанные сложности требуют корректировки традиционного взгляда на рождение русской автокефалии, и она уже происходит больше 30 лет. Рассказ о событиях 6954–6957 годов в поздних русских летописях основан исключительно на событиях внутри страны². В то же время, провозглашение святителя Ионы митрополитом в Москве ломало привычную практику получения митрополита из Константинополя. Как бы ни оценивать ситуацию с рецепцией Ферраро-Флорентийской унии³, византийский патриарх не мог безболезненно отпустить Русскую Церковь «во своя си», особенно с учётом того, что к началу XV века Константинопольские патриархи уже отбили инициативу Москвы, желавшей определять поставления митрополитов на Русь — после святителя Алексия и истории с Митяем митрополиты приезжали исключительно из Константинополя вплоть до собора 1448 года. Поставление святителя Ионы было тем более вызывающим, что поставлен он был не на Московскую, а на Киевскую кафедру⁴. То есть Киевская митрополия, находившаяся в сторонних руках — Константинополя, осталась в сторонних руках, только теперь это были руки Москвы. Как могли мириться с этим в Константинополе, что византийском, что османском? Отношения с Москвой должны были быть пересмотрены, равно как патриарх должен был хотя бы попытаться вернуть себе Киевскую митрополию, благо что Киев принадлежал не подчинявшемуся Москве Великому княжеству Литовскому. Внимание на инициативах византийской стороны характерно для историографии последних десятилетий. Возникает резонный вопрос — как реагировала Москва и проявляла ли она встречные инициативы? Некоторые ответы на этот и озвученные выше вопросы даёт сопоставление этих давних событий с теми, которые разворачиваются на наших глазах.

Приезд с Ферраро-Флорентийского собора, арест и бегство митрополита Исидора из Москвы вызвали первую активную реакцию

2 ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 121–122; ПСРЛ. Т. 12. М., 2000. С. 67–77.

3 *Флоря Б. Н.* Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором (XIV–XV вв.) // *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. С. 301–434.

4 *Петрушко В. И.* Очерки по истории Русской Церкви. Середина XV в. — конец XVI в. М., 2022. С. 68–69, 81; *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016. С. 698.

московского руководства. В 1441 году в Константинополь было подготовлено два послания великого князя константинопольскому патриарху Митрофану о низложении Исидора. Нельзя не согласиться с В. И. Петрушко, считающим, что собор 1441 года «имел колоссальное значение — как для дальнейшей истории Русской Церкви, так и для судеб мирового Православия», хотя «до сих пор так и не оценён по достоинству»⁵. Фактически на нем оказалась сформирована новая модель взаимоотношений Поместных Церквей и перераспределена их значимость. Вероятно, поэтому события 1448 года не повлекли за собой быстрой реакции Москвы в межправославных отношениях, как события 1441 года: послание о поставлении святителя Ионы было отправлено только в июле 1451 года и снова от имени великого князя⁶. Обратных посланий не только нет в распоряжении историков, но их существование даже никем не предполагалось (точнее, в них для историков нет особой надобности). То есть инициатива в этой ситуации была целиком на стороне Москвы.

Отсутствие посланий в Поместные Православные Церкви со стороны святителя Ионы характерно: в Москве не думали о «легализации» автокефалии «на международной арене» (под которой нужно подразумевать компендиум предстоятелей Поместных Церквей), о которой сегодня заботятся историки. Речь шла только о том, что митрополита Киевского будут избирать не в Константинополе, а в Москве, тем более что местом его постоянного пребывания вроде бы являлась Москва. Почему вроде бы? Предшественники святителя Ионы проводили в Киеве ненамного меньше времени, чем в Москве. Митрополит Исидор был в Киеве перед поездкой в Италию почти полгода, поскольку приехал в Москву только в апреле 1437 года и в начале сентября уже выехал из Москвы, аналогично после окончания собора пожил около месяца в Киеве и полгода в Москве под арестом⁷. Примерно то же можно сказать и о его предшественниках — святителях Фотии и Киприане, регулярно и надолго ездивших в Литву. Важно подчеркнуть: Москва фактически не признавала за Великим княжеством Литовским права

5 Петрушко В. И. Очерки по истории Русской Церкви. Середина XV в. — конец XVI в. С. 36, 39.

6 Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 575; Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М., 2008. (далее — РФА) С. 105–107; Петрушко В. И. Очерки по истории Русской Церкви. Середина XV в. — конец XVI в. С. 62.

7 Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург, 2018. С. 74, 76, 86, 122–126.

на выдвижение кандидатуры киевского митрополита. Это право принадлежало, в глазах Москвы, центрам за пределами Великого княжества Литовского, обладавшего самим Киевом. До падения Византии — в ней, а после — в Московской России. Уже преемник святителя Ионы, как известно, будет именоваться просто митрополитом «всёя Руси»⁸, то есть Русская Церковь как признала своё поражение в борьбе за Киев, так и перестала считать Киев столицей митрополии. В сложившихся условиях было неважно, кому принадлежал Киев, и даже — кто ставит туда митрополита. Киев оказался во всех смыслах оппонентом, который нужен во внешне- и внутримиropolitической игре (достаточно вспомнить ситуацию с митрополитом Спиридоном Сатаной, появление которого в Москве было использовано и против Великого княжества Литовского⁹, и против Константинополя, и против непокорного св. митрополита Геронтия).

Н. В. Синицына в статье 1990 года «Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата (1448–1589 г.)» утверждала, что логика великого князя в послании патриарху Митрофану строилась на осуждении Исидора с апелляцией к Константинополю. Это утверждение само по себе шатко, так как послания Василия Васильевича не были доставлены в Византию. Однако важно другое её наблюдение, продолжавшее её рассуждения: «прямое определение Исидора как еретика и отступника отсутствует, оно появится лишь после 1458 г. в категорических и резких формулировках»¹⁰. Это означает, что до 1458 года, когда в Киев будет поставлен «митрополит» Григорий и когда начнётся кампания московской (де-факто) митрополии по непризнанию его в качестве иерарха и главы митрополии, оппонированию униатским инициативам не придавали такого значения, поскольку надеялись удержать Киев в руках митрополита, сидевшего в Москве. Отношение к Григорию как ставленнику униатской партии понятно в свете современных событий, поскольку может быть легко сопоставлено с отношением Русской Православной Церкви к т. н. «митрополиту Епифанию», а «митрополия»

8 Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). С. 786.

9 Написание последним заказных «Изложения о православней истинней нашей вере» и «Послания о Мономаховом венце» и было направлено в пику Великому княжеству Литовскому и Константинопольской патриархии (Дмитриева Р. П. Спиридон-Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л–Я. Л., 1989. С. 409).

10 Синицына Н. В. Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата (1448–1589 г.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М., 1990. С. 130.

униата-«митрополита» Григория — с «Православной церковью Украины». Судя по материалам митрополичьего архива, пик активности русской митрополии пришелся на 1458–1459 годы, когда было написано до девяти документов, так или иначе касавшихся статуса русской митрополии и Киева¹¹. Ответная реакция Константинополя в Москву неизвестна, зато есть послания по поводу признания Константинополем Киевского митрополита Григория¹² 1457 года, породившая три послания Ионы в качестве противодействия.

Сама по себе тема автокефалии более чем обширна, и все её внешнеполитические аспекты, так или иначе затрагивающие отношения с Поместными Православными Церквями, при всей скудости сохранившихся фактов и документов, затронуть в краткой статье невозможно, поэтому сосредоточусь на двух аспектах: динамике прямых отношений с Церквями и субъективного восприятия статуса Русской митрополии.

В своё время митрополит Макарий (Булгаков) очень легко «восстановил» московско-константинопольские церковные связи — через единственное недатированное послание святителя Ионы константинопольскому патриарху¹³, хотя сам же отмечал фактическое прекращение взаимоотношений с архиереями Православного Востока, кроме афонских монастырей, почти на полвека¹⁴. Прекращение прямых отношений между русскими (московскими) митрополитами и зарубежными иерархами привело к постепенной деградации роли Церкви как посредника в международных делах и привело к передаче функций посольским дьякам¹⁵. Правда, активная позиция святителя Ионы как автора многочисленных посланий, удержала в некоторой степени положение

- 11 РФА. № 5, 14, 22, 24, 28, 34, 51, 52, 57. С. 89–91, 108–110, 134–135, 137–140, 149–150, 159–161, 193–198, 205.
- 12 *Корогодина М. В.* Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): судьба славянского перевода // *Slovene*. 2021. Vol. 10, № 2. С. 321–337.
- 13 *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 4. Ч. 1. История Русской церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй. Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения её на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 21–22, 480; *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. С. 402. В нём митрополит Иона пишет патриарху как равный равному.
- 14 *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 4. Ч. 2. История Русской церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй. Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения её на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 172–173; РФА. № 109–111. С. 347–351. № 154. С. 540–541: 1510-х годов и позднее.
- 15 Посольский приказ // *Дипломатический словарь*. Т. 2. М., 1971. С. 550.

митрополита как контрагента в международной переписке (к князьям, архиереям, клирикам, не подчинявшимся Москве; впрочем, сношения с Великим княжеством Литовским едва ли считались международной перепиской¹⁶). Схожая точка зрения о скором восстановлении отношений (при митрополите Феодосии) бытует и в настоящее время¹⁷.

В наступившей паузе странным и нелогичным выглядит сюжет о поставлении некоего Иосифа в митрополиты Кесарии Филипповой. Его экстраординарность заставляла исследователей объяснять причины, подоплёки, канонические основания (или их отсутствие), истинный смысл, а главное — отвечать на вопрос: действительность это или миф¹⁸. Все обстоятельства, связанные с этим сюжетом, крайне противоречивы. Еще в 1459 году и, по всей видимости, в 1461-м его предстоятель патриарх Иоаким подписывал документы в пользу унии, а в 1464-м его родственник был рукоположен в Москве в митрополиты Кесарии¹⁹. Что мешало самому патриарху рукоположить его в этот сан? Как на это могли решиться в Москве, в то время как Кесария никак не могла подчиняться русскому митрополиту?

В поставлении митрополитом Феодосием митрополита в Палестину можно видеть дерзновенную попытку Московского митрополита создать православную иерархию там, куда ездили русские паломники. Ставленная же грамота, в которой говорилось о согласии патриарха²⁰, должна была создать основание для преемства этой иерархии не только от Русской Церкви, но и от Иерусалимской (в этом смысле грамота тождественна по смыслу посланиям 1441 и 1443 годов, в которых великий князь обращался к принявшим унию грекам с вопросом об униате Исидоре). Поставление митрополита в Палестину было возможно по двум причинам. Первой причиной было то, что патриарх Иоаким позволил себе инициативу писать в Москву и тем самым создал прецедент контактов обновлённой митрополии (Московской) с Восточным патриархом. Второй причиной была его смерть, так как теперь у русских оказались «развязаны руки» для проявления уже своей инициативы.

16 *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). С. 682–717.

17 История Русской Православной Церкви: История Русской Церкви от начала распространения Христианства на Руси до учреждения Патриаршества в Москве (1589 г.): в 2-х т. / Отв. ред. Р. И. Авдеев. М., 2015. Т. 1: История Русской Церкви от начала распространения Христианства на Руси до учреждения Патриаршества в Москве (1589 г.). С. 329.

18 Н. С. Борисов считал Иосифа «проходимцем» (*Борисов Н. С.* Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 163).

19 *Панченко К. А.* Иоаким, патриарх Иерусалимский // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 148–149.

20 *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). С. 783.

Впрочем, эта единственная попытка налаживания связей с Православным Востоком, не имевшая заметных последствий, заставляла русские государство, общество и, прежде всего, церковь осмысливать своё положение в изменившемся православном мире. Самое главное — то, что русские государство, церковь и общество перестали признавать за Константинопольской кафедрой статус вселенской, усвоив этот статус себе.

Обращает на себя внимание смена терминологических парадигм. До того момента, пока московское руководство, включая святителя Иону, не убедилось, что греки не признают самопровозглашённую независимую московскую «киевскую» церковь, оно называло Константинопольскую патриархию «вселенским збором». Примеров много. Приведём наиболее характерные. Святитель Алексий, не благословив Митяя на митрополию, предполагал, что это решение может вынести только «*Бог и святая Богородица и пресвященный патриарх и вселень[ский] збор*»²¹. Преподобный Сергей Радонежский родился, согласно житию, написанному Епифанием Премудрым, «*в льта благочестиваго преславнаго дръжавнаго царя Андроника, самодръжца гречьскаго, иже въ Цариградь царьствовавшиаго, при архиепископъ Коньстянтина града Калисть, патриарсъ вселеньском; в земле же Русстѣй въ княжение великое тферьское при великомъ князи Димитрии Михайловиче, при архиепископъ пресвященнѣмъ Петре, митрополитъ всея Руси, егда рать Ахмулова*»²². Патриарх Филофей несколько раз в житии называется вселенским²³. Святитель Киприан писал прп. Сергию и Федору Симоновскому: «*Яз Божиимъ изволениемъ и избраниемъ великаго и святаго сбора и благословениемъ и ставлениемъ вселеньскаго патриарха поставленъ есмь митрополитъ на всю Рускую землю, а вся вселенная въдаеть*»²⁴. В Житии Петра, царевича Ордынского, говорится о благословении «*от гречьскаго царя и патриарха и от всего вселеньскаго събора*»²⁵.

Однако первые примеры отказа признавать Константинопольскую патриархию вселенской относятся также к кануну Куликовской битвы. Дмитрий Донской не признал митрополитом Киприана, что стало

21 Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000. С. 444.

22 БЛДР. Т. 6. М., 2005. С. 274.

23 По сих же въ единъ от дний приидоша грекы от Коньстянтина града, от патриарха послани къ святому. Поклонишася ему, глаголюще: «Вселеньский патриархъ Коньстянтина града кирь Филофей благословляет тя» и др. БЛДР. Т. 6. С. 354, 370.

24 БЛДР. Т. 6. С. 412.

25 БЛДР. Т. 9. СПб., 2006. С. 70.

основанием для сомнений в универсальности вселенской патриархии: «*Что же ли створиша патриаршимъ посломъ, хуляще на патриарха, и на царя, и на сборъ Великий! Патриарха литвиномъ назвали, царя такоже, и всечестный сборъ **вселеньский***» — писал святитель Киприан 23 июня 1378 прп. Сергию и Федору²⁶. То есть русская политика уже примеряла аргументацию по непризнанию Константинополя.

Следующий повод для сомнений дал Ферраро-Флорентийский собор. Первые впечатления о нем были позитивны — Константинополь еще не лишился в глазах русских своего статуса. Сразу после 1441 года — года возвращения митр. Исидора — было создано «Инока Фомы слово прехвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». В нем Ферраро-Флорентийский собор показан позитивно. Возможно, это следствие того, что в Твери митр. Исидор провёл полгода после бегства из Москвы. «*И в которая бо бяше времена бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне, царю же цариградскому Иоанну възвѣстившу в послани: «И здравьствуй, възлюбленный брате о Христе». И примѣ же царская послания великий князь Борис Александрович, и сихъ прочетъ предъ всим народомъ, и многыя радости душею и тѣлом исполнися, из глубины сердца въздыхая, и велми благодаря Бога, и глаголя: «Боже великий, сподоби мя приобѣщнику быти святому сему и **Вселеньскому** собору и еще же и по отеческой вирѣ поборнику быти»... И такоже многочествовавъ посланныхъ царскихъ и многы дары давъ имъ, и отпусти ихъ ко своему царю. И скоро своего посла устрояетъ ко **Вселеньскому** собору, именем Фому, и повели ему прильжно смотрити, и аще ли что от Седмаго собора примутъ или приложат, «того слышати и не хотим»»²⁷. В тексте Слова и сам Ферраро-Флорентийский собор именуется Вселенским, но и греческое окружение патриарха, и он сам носят тот же титул: «*И ту наехалъ есми папу римьскаго Евгения,* и святаго царя цариградскаго Иоанна, и **вселеньскаго** патриарха Иосифа,* и весь святыи **Вселеньский** съборъ. А с патриархомъ было митрополитовъ 22... И **вселеньский** же патриархъ Иосифъ рече: «Ветхаи мимо идоша, и новая вамъ възвѣщаю: вира благодатная от нашея земли Греческия да и до Руския земли простресе, евангельский же источникъ наводънившесе, и льпо и намъ с великимъ княземъ Борисомъ славити святую Троицу. И яко такова князя в Руси николиже слышахомъ»²⁸. В «Повести о хождении на Ферраро-Флорентийский собор» также патриархия еще не воспринималась**

26 БЛДР. Т. 6. С. 423; Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 409.

27 БЛДР. Т. 7. М., 2005. С. 74.

28 БЛДР. Т. 7. С. 76.

негативно: «*Ту же и святого царя греческаго Иоанна, и святого патриарха Иосифа вселеньскаго, и святой вселеньский соборъ*»²⁹.

В 1453 году Константинополь был взят турками, и в «Повести о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера титул «вселенский» уже имеет несколько размытое содержание: «*Патриархъ же, собрав боляр и советниковъ всѣхъ, поиде къ цесарю, и начаше увѣщавати его, да изыдетъ изъ града и съ царицею. И яко не послуша ихъ цесарь, рече ему патриархъ: «Вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ сем. И се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть: святъ убо он неизрѣченный, иже бѣ съдѣйствуя въ вѣлицыѣхъ церкви Божия Премудрости съ прежними свѣтилники и архиерейи вселенскими, такоже и ангелъ Божий, егоже укрѣпи Богъ при Устиянѣхъ цесари на съхранение святыа великия церкви и граду сему, въ сию бо ноць отъидоша на небо*»³⁰. Под вселенскими архиереями уже подразумевались прошлые архипастыри Православной Церкви Византии. К современному Искандеру архиереям, стало быть, титул «вселенский» уже не относился.

В эти же годы русская политическая элита буквально требовала от Константинополя передачи права на вселенский титул для русского митрополита. В послании великого князя Василия Васильевича императору Константину Палеологу 1452 года говорилось: «*И церковь наша русская святейшиа митрополи Руския святыа Божия Вселенския сборныа апостольския церкве Премудрости Божия Святыа София цариградския благословения требуетъ*»³¹. С учётом того, что спустя полвека эта фраза будет читаться чуть иначе, а Вселенская соборная апостольская церковь будет ассоциироваться с Успенским собором Московского Кремля, намёк на передачу прав в послании великого князя становится очевидным.

Образ вселенского патриарха, помещённого в Антиохийское царство (впрочем, иногда и в «царственный град»), высмеивается в Повести о Басарге и сыне его Борзосмысле. Повесть, по мнению исследователей, составлена в конце XV — начале XVI в.: «*Но вопрошиша царь народа: «Были у васъ патриархъ вселенны, и священники, и дьяконы, или чернорисцы, или чернецы?» Они рекоша ему: «Новы государь, царь Борзосмысль Дмитриевичъ! Потриарха нашего онъ, окояны богоотступникъ, Несмеян Горды, не вемъ, камо сослалъ в заточения!» Царь же Борзосмысль Дмитриевичъ повеле пустити заповедь великую во область Антиохиского царства: аще кто где обрящетъ потриарха, или свешенники, или дьякона, или чернорисцавъ, или чернецовъ, дабы привели их во градъ Антиохию к новому царю*

29 БЛДР. Т. 6. С. 572, 574.

30 БЛДР. Т. 7. С. 50.

31 РФА. № 13. С. 107.

Борзосмыслу Дмитревичу. И многих поповъ и дияконовъ обретоша: иных при миру утоишися, а чернецовъ обретоша в пустыняхъ и въ лѣсахъ в пещерахъ. И призва их во гратъ Антиохию и скозаша имъ нового царя Борзосмысла Дмитревича, христианина веры. А потриярха нигде не обретоша. Печальнѣ же бысть царь о потриярхе. И приде неки пастырь овцамъ поведати царю: «Азь видель потриярѣха, в горе живушу, в пещере, былия едушю, а въместо воды росу лижуше!»³². Высмеивание помогало вытеснить из сознания позитивную связь Константинополя с понятием «вселенский».

Первые следы однозначного переноса титула «вселенский» на русского митрополита относятся к началу самостоятельного правления Ивана III и митрополитства святителя Филиппа. В Летописи Авраамки события 1448 года стоят в той части летописи, которая теперь считается старшей её частью и написанной на рубеже 1460–1470-х годов (см. предисловие к изданию), и в ней поставление Ионы отсутствует, зато говорится о том, что *«поставлен бысть всесвященный архимандрит Иона архиепископом Великому Новгороду и Пскову всесвященным вселенским митрополитом Ионою Киевским...»³³*.

Трансфер титула «вселенский» на Русскую Церковь оказался непростым. Еще в 1480-х или чуть позже³⁴, когда уже была составлена «Повесть о новгородском белом клобуке» с добавлением в неё формулы о Москве — Третьем Риме, в «Сказании о Мамаевом побоище» вселенской назван Успенский собор Владимира: *«И начата ему сказывати старые татарове, како плънилъ Русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимиръ, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитреевича убилъ, и многих православных князей избилъ и святыя церкви оскверни, и многы монастыри и села пожже, и въ Володимеръ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ»³⁵*. После наименования «Вселенской соборной апостольской церковью» «Премудрость Божию Святую Софию цариградскую»³⁶ упоминание владимирского собора в таком качестве означало процесс перемещения благодати из Второго Рима в Третий, с исторической ретроспективой, в которой такое перемещение получало оправдание.

Закрепление этой идеи и окончательный перенос «Третьего Рима» — Вселенской Церкви в Москву было озвучено старцем Филофеем

32 БЛДР. Т. 7. С. 480.

33 ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. С. 198.

34 Пенской В. В. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» (рус.) // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 3 (7). С. 22–28.

35 БЛДР. Т. 6. С. 138–140.

36 РФА. № 13. С. 107.

в послании великому князю Василию Ивановичу старца Филофея, «в нем же о исправлении крестнаго знаменія», «вселенской» в формуле: «брододержателю святых Божиих престолъ святія **вселенскія** соборныя апостольскія церкви Пречистыя Богородицы честнаго славнаго ея Успения, иже вместо римскія и константинопольскія просиявишу»³⁷. В послании «О часех злых» он повторил эту формулу: «О сих убо преупоковивше слово, мала некая словеса изречем о нынешнем православном царьстве пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всеи поднебесней единого христианома царя и брододержателя святых Божиихъ престолъ, святія **вселенскія** апостольскія Церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасенном граде Москве святого и славнаго Успения Пречистыя Богородица, иже едина в **вселенней** паче солнца светится»³⁸.

Примером закрепления этой идеи можно наблюдать в «Троицкой повести о взятии Казани», составленной в начале правления Ивана Грозного: «И по сем приходит ко святѣйшему и смиренному отцу своему Макарию митрополиту всеа Руси и ко священному его собору — архиепископом и епископом, и всему церковному причту и проситъ благословѣнія и молитвы себѣ и всему своему христоролюбивому воинству. Святейший же **вселенскій** отецъ пресвященный Макарей митрополитъ всеа Руси со архиепископы и епископы, и со вѣсьм священным собором благословляют и молятъ прильжно...»³⁹. Здесь, как видим, титул «вселенский» уже буднично приписан московскому митрополиту.

Вселенский титул после падения Константинопольских патриархов сначала в унию, затем в послушание турецким султанам, а в итоге — в непризнание Русской Церкви, несправедливость и сотрудничество с князьями Великого княжества Литовского, римскими папами и их ставленниками, оказался в глазах русских вакантным, и его судьба должна была повторить судьбу «второго Рима», ставшего «третьим» — Москвой. Вселенский статус «церкви честнаго славнаго Ея Успения» и митрополита всеа Руси — это результат осмысления и рефлексии событий 1440–1460-х годов и отражает не только непосредственные отношения (а фактически — отсутствие таковых) во второй половине XV века, болезненный и немгновенный разрыв таковых, но и развитие этого разрыва в русской мысли последующих веков.

37 Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 358, 361, 364. Ср.: Там же. С. 367.

38 Там же. С. 345, 348, 352, 354.

39 БЛДР. Т. 10. М., 2000. С. 521.

Такое переосмысление места Москвы в православном мире, когда в рамках идеологемы «Москва — Третий Рим» московский митрополит занял место вселенского патриарха, получил право писать предстоятелям Поместных Церквей (какового он не имел, будучи митрополитом Константинопольской патриархии) и фактически (в глазах русских) теперь определял чистоту православия и принадлежность к единой Святой соборной апостольской Церкви. По мнению Ивана III и митрополитов после св. Ионы, теперь не они должны были встраиваться в семью Поместных Церквей на правах равного и проявлять инициативу, а Поместные Церкви должны были обращаться во Вселенскую Православную митрополию Москвы, чтобы подтвердить свой статус и считаться частью Православной Церкви. Переходный период, когда русская митрополия Константинопольской патриархии уходила от своего бывшего главы, оказался сравнительно коротким. Его можно обозначить в 18 лет — от 1441 до 1459 года. После падения Константинополя, ставшего ответом даже не на Ферраро-Флорентийский собор, а на события 1448 года, как бы подтвердившего правоту русских, объявивших о самостоятельном поставлении своего предстоятеля, идеологема «Москва — Третий Рим», неизбежная по своей сути, не могла не включить в себя соответствующий эkkлезиологический элемент, поставивший Москву на вселенскую высоту.

Библиография

- Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.
- Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский (1385/1390–1463). Екатеринбург: ЕкДС, 2018. БЛДР. Т. 6. М.: Наука, 2005; Т. 7. М.: Наука, 2005; Т. 10. М.: Наука, 2000; Т. 9. СПб.: Наука, 2006.
- Борисов Н. С. Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: МГУ, 1986.
- Дмитриева Р. П. Спиридон-Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в). Ч. 2. Л-Я / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1989. С. 408–411).
- История Русской Православной Церкви: История Русской Церкви от начала распространения Христианства на Руси до учреждения Патриаршества в Москве (1589 г.): в 2-х т. / Отв. ред. Р. И. Авдеев, науч. ред. Т. Ю. Тимофеева. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Т. 1: История Русской Церкви от начала распространения Христианства на Руси до учреждения Патриаршества в Москве (1589 г.).
- Корогодина М. В. Грамота патриарха Константинопольского Дионисия Новгороду (1467): судьба славянского перевода // Slovene. 2021. Vol. 10, № 2. С. 321–337. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.13

- Костромин К. А.* Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X — первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 42–54. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-42-54
- Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 4. Ч. 1. История Русской церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй. Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения её на две митрополии (1448–1589). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
- Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 4. Ч. 2. История Русской церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). Отдел второй. Состояние Русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения её на две митрополии (1448–1589). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
- Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016.
- Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI. М., 2009. № 4. С. 112–155.
- Мильков В. В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. М., 2009. № 2. С. 116–155.
- Панченко К. А.* Иоаким, патриарх Иерусалимский // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 148–149.
- Пенской В. В.* О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» (рус.) // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 3 (7). С. 22–28.
- Петрушко В. И.* Очерки по истории Русской Церкви. Середина XV в. — конец XVI в. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022.
- Посольский приказ // Дипломатический словарь. Т. 2. М.: Политиздат, 1971. С. 550.
- Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2000.
- ПСРЛ. Т. 8. М., 2001; Т. 12. М., 2000; Т. 16. М., 2000.
- Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908.
- Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Синицына Н. В.* Автокефалия Русской Церкви и учреждение Московского Патриархата (1448–1589 г.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 126–151.
- Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.
- Флоря Б. Н.* Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором (XIV–XV вв.) // Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 301–434.